Рассказ скачан на сайте http://eromo.org

Название: Ритуал

Бух, бух, бух — глухие удары барабанов и монотонное пение не давали собраться с мыслями. В зале было много людей, я это чувствовал, слышал невнятный шёпот, шорохи, ощущал движение. Да и пение исходило явно не из динамиков электронной аппаратуры — в этом странном помещении как-то забывалось об электронной аппаратуре и вообще о солнечном мире с его небоскребами, автомобилями и смартфонами. Свет факелов, свечей не давали электрической яркости, и освещен был только центр зала и трон, на котором восседала Аня. Как, впрочем, и я, приткнувшийся на низком стульчике рядом с ней. Все остальное, углы, участки стен и пространства между колонами прятались в сумраке, чему способствовали клубы дыма от тлеющих благовоний. Странный их запах скорее раздражал и возбуждал, рождал какое то неясное беспокойство в груди и внизу живота. Я решил, что к ароматическим свечам подмешан какой-то афродизиак. При этом барабаны и пение меня скорее... пугали если сказать честно.

Я посмотрел на девушку. Что за странная игра? Ролевая? Но обошлось все это явно недешево. Где нашли такое помещение? Стены и цилиндрические колоны в зале были вытесаны из голого камня, причем естественного, а не обычной при современном строительстве подделки — вероятно материалом послужил гранит. Мне было не очень хорошо видно, но походило на то, что рисунки, местами покрывавшие эти колоны, были не просто рисунками, а раскрашенными барельефами. Те изображения, которые я был в состоянии разглядеть в неровном свете свечей и факелов, были подобным древнеегипетским изображениям из тех, что я встречал в книгах, однако сюжеты удивляли — изображались сцены совокупления мужчин и женщин, мужчин и женщин со звериными головами, людей и животных. И выполнено все было ярко и натуралистично. Я и не думал, что в Москве можно найти такие помещения. Мы явно находились под землей, но где, — после долгого путешествия по подземным коридорам я не мог понять, даже в каком районе города мы находимся. Аня сидела на троне, закинув ногу на ногу и покачивая сандаликом, повисшим на пальчике ноги. Те, кто ее одевал и накрашивал, явно взял за образец древнеегипетские изображения. И так большие глаза девушки (как у газели, любил сравнивать я— «волоокая») были подведены яркой насыщенной краской почти до висков. Так же ярко были накрашены губы, а на лбу был нарисован загадочный символ синего и зеленого цветов. Волосы были совершенно убраны под головной убор, названия которого я не знал, но также стилизованный под древнеегипетский. Широкое ожерелье, искусно составленное из металлических элементов «под золото» и стразов лежало на плечах, закрывало ключицы и верх груди (я решил, что это стразы, ибо настоящие камни таких размеров и такое количество золота, должны были бы стоить невообразимую сумму).

Из столь же крупных камней и «золота» были сделаны серьги, на вид очень тяжелые. Даже визуально бросалось в глаза, как они оттягивают мочки ушей девушки.

Ее прелестные, крепкие, юные груди были обнажены, а дерзко торчащие верх соски накрашены алой краской — почти такого же цвета, как и губы. Сарафан, сшитый из тонкой и довольно прозрачной ткани охватывал тело ниже грудей и туго обтягивал бы ее тело до ступней, если бы разрез, начинающийся прямо от лона, не открывал ее ноги во всю их соблазнительную длинну. Браслеты на руках и ногах были исполнены в том же

«избыточном» стиле, что и ожерелье.

Я только придвинулся к ней ближе и собрался заговорить, когда она с улыбкой приложила пальчик к губам, приказывая молчать. Как раз в этот момент пение усилилось и из темноты, справа и слева мелкими шажками выбежали шесть женщин с обнаженными грудями и тут же опустились на колени. Таким образом, сидящие женщины по трое окружили сложную фигуру, нарисованную на полу. В рисунке можно было угадать и иероглиф, и пентаграмму, и загадочный мистический рисунок из тех, что изобретают художники компьютерных игр в жанре фентези.

Послышались шаги и совершенно неуместные в этом месте голоса. Из темного проема в дальней стене появились трое мужчин — по внешности совершенных братков-бычков, с туповатыми и агрессивными лицами. Вероятно, они были немного пьяны.

Один из них, темноволосый, тут же гыкнул:

- Все без обмана, классные шмары.
- Эй, подружка, обратился второй, со шрамом на щеке к Анне, при этом с наглым видом уставившись на меня.
- Тут ваще наливают? Все это киношное он обвел глазами зал это круто, и девки класс, но выпить, закусить, кокса нюхнуть, ну по всем делам.

Он растопырил пальцы:

— Мы забашляем, не вопрос, — сообщил он, растягивая слова.

В это время первый, темноволосый схватил одну из сидящих на коленях девушек за руку и принялся тянуть, желая, вероятно, попросту заставить ее встать. Я уже было подумал, что поднимется безобразный скандал, без которого такие ребята обойтись не могли, но тут встала Анна и придержав мою руку, дабы я оставался на месте, грациозно спустилась с возвышения. По пути она сдернула с головы свою экзотическую... шляпу и волна длинных, шикарных, блестящих темных волос накрыла ее плечи и спину. Аня в несколько шагов подошла к парню, пристававшему к девушке, и игриво оттолкнула его. В ее движениях не было никакой злости и никакой агрессии. Скорее они манили и возбуждали. Легкими шагами она прошлась вокруг мужчин, позволяя дотрагиваться до себя, касаясь их пальцами, спиной, грудями и бедрами, волосами, и при этом, не позволяя как-то удержать себя.

А они старались. Но она как будто была намазана маслом, так, что любые попытки взять за руку, за талию ни к чему не приводили. Пение зазвучало громче, а мужчины, как мне показалось, попали под гипноз изящных и стремительных движений девушки.

В этот момент девушки, до этого сидевшие на коленях, вскочили и принялись... да, они принялись раздевать этих парней. Каждому из них досталась пара прелестниц, но мужчины как будто не замечали ни самих красавиц, ни и их действий. Все внимание братков было сосредоточено на Ане, которая продолжала, казалось-бы без всякой системы, притрагиваться к ним. Но эти ничтожные касания привели к тому, что они не могли отвести от юной красавицы глаз и не заметили, как остались совершенно нагими.

Я сам не заметил, как из за ближайшей колоны вышла еще одна девица в древнеегипетских одеждах. В руках у нее был кувшин и какой-то серый — как мне показалось каменный стаканчик. Девушка наполнила стакан напитком их кувшина и подала его Анне. А Аня положив руку на грудь тому типу, что со шрамом на щеке, молча предложила ему выпить. Парень как завороженный даже не подумал отказаться или поинтересоваться, что ему предлагают, и тут же выпил.

Та же сцена повторилась с двумя другими мужчинами, после чего красавица продолжила свой загадочный танец. Я недоумевал, что в ее движениях и прикосновениях помогает ей держать парней в подчинении, но результат был налицо — братки не буйствовали, не приставали к полунагим девушкам и даже желание по отношению к самой Анне проявляли крайне сдержано.

Скоро темп барабанов изменился, и в освещенном кругу появилась еще одна женщина — разительно не соответствующая обстановке, но зато очень подходящая компании братков. Несомненно, красивая — ее можно было бы назвать шикарной блондинкой, если бы не налет дешевизны и продажности. Вся чересчур вульгарная — она как будто попала к нам из 90-х. Сдается мне, это была проститутка, нанятая для сегодняшнего представления:

— Ой, мальчики! —

Видно, что она так же была пьяна, но это не помешало ей подметить, что «мальчиков» трое: — Эй, мы так не договаривались, на троих то, — пьяно возмутилась она.

Аня шагнула к ней и тягучим движением погладила по щеке. Потом наклонила ее голову — Анна была невысока ростом, — провела губами по щеке и губам девицы и что-то прошептала на ухо.

«Э... Я...», — растеряно забормотала блондинка, а Аня одним движением обнажила грудь девушки, благо под модным пиджачком у той не было и намека на бюстгальтер. Белая и довольно крупная грудь девицы смотрелась возбуждающе контрастно на фоне смуглых тел и небольших грудей девушек, проводящих церемонию и прелестных юных грудей самой Анны. Аня опять крепко поцеловала девицу в губы и толкнула ее к парням, все это время тупо простоявшим в ожидании. У меня уже не было никаких сомнений, в том, что они загипнотизированы. Их члены торчали в напряжении, но братки и движения не сделали к окружающим их полунагим женщинам. Похоже, они полностью подчинились Ане. Но тут Аня что то выкрикнула — какое то незнакомое мне слово с ярко выраженными шипящими, вроде «а`т` кеши», или что то в этом роде и мужчины как будто освободились от ступора. Не замечая ничего вокруг, они накинулись на блондинку с животной свирепостью. Вначале, девица пыталась хихикать и жеманничать, но скоро ей стало не до этого. Одежду с нее сорвали мгновенно. По-моему там даже что-то трещало, и было разорвано. Девица вскликнула недовольно, но ей тут же заткнули рот членом. Тот, что со шрамом на щеке первый пристроился сзади и вбил свой здоровый, напряженный член в киску девушке. Я ее даже пожалел, — принять такое без всякой подготовки, наверное, непросто. Впрочем, если это проститутка, то уж она должна уметь переживать подобные проблемы. Другой парень затолкал ей в рот свой отросток. Третий, темноволосый, не знал куда приткнуться, и пытался так же пристроиться к уже занятому рту блондинки.

Аня же спокойно отошла от совокупляющейся группы, поднялась на возвышение и, поцеловав меня, уселась на трон.

— Что это, — шепнул я ей на ушко, — театрализованное представление? И мы с тобой удовольствуемся только ролью зрителей?

Аня несильно ударила пальчиками по моим губам:

-- Смотри, это совсем не театр и вовсе не представление, -- девушка недовольно надула губки, и серьезно добавила -- это очень древний ритуал!

Я хотел расспросить ее подробней, не переставая одним глазом следить за процессом совокупления, который как я заметил, происходил прямо поверх мистического рисунка,

нарисованного, или скорее выдолбленного в каменном полу перед троном. Мужчины в своем споре за рот девицы нашли компромисс и теперь трахали в ее раскрытый рот по очереди. Во всяком случае, мне так показалось, поскольку разглядеть подробности с того места, где я сидел, было не просто.

В этот момент к Ане подошли две девушки из тех, что раньше проводили ритуал, и принялись быстро и очень ловко складывать ее волосы. Удивительно, как это у них получилось, но скоро богатая грива волос моей подруги была опять спрятана под тот странный головной убор, что был на ней в начале действа.

Аня же вся была увлечена действом, развернувшимся перед нами. А там происходили некоторые изменения. Мужчины пока оставили рот девицы в покое, а тот, кто раньше трахал ее в киску, похоже, решил изменить отверстие проникновения. Он немного поменял позу и смочив пальцы в вагинальных выделениях стоящей раком блондинки принялся смазывать ее же анальное отверстие. Очевидно, это не обрадовало красотку, и та попыталась выкрутиться у него из рук, однако три мужика держали бедняжку крепко, и когда агрессор всадил свой здоровенный болт прямо ей в попку, она только запищала жалобно. Хоть и профессиональная шлюха, принимать в несмазанный толком зад этот здоровый член и ей было непросто.

Впрочем, как всегда в таких случаях бывает, попка девушки скоро обвыкла и притерпелась, только на этом ее мучения не закончили, поскольку недостаток отверстий привел парней к мысли о бутерброде. Блондинку усадили на темноволосого, нанизав ее на его длинный член, а второй, я заметил, что он плохо выбрит, пристроился сзади. На это раз двойное проникновение, похоже, обошлось для девицы без неприятных впечатлений, только что попасть всем в темп сразу не получилось. Член, который мужик со шрамом все совал в ее рот, постоянно выпадал по причине не согласованности движений, хотя девка каждый раз его ловко ловила губами.

Все это зрелище, сопровождаемое глухим буханьем барабанов и экзотическим пением, то более, то менее громким, ввело меня какой то необычный транс. С одной стороны я бы необычайно возбужден, но при этом мне вовсе не хотелось присоединиться к участникам. Казалось бы, это зрелище должно только возбуждать, и закончиться какой-нибудь необычной сексуальной игрой из тех, что обожала выдумывать моя Аннушка, однако меня не покидало предчувствие чего то ужасного. Что-то лафкрафтовское было во всем этом действе, разворачивающимся передо мною.

Тем временем позы «актеров» изменились. На этот раз девица, раздвинув ноги, хорошо растраханой попкой уселась на член мужика со шрамом. Другой расположился сверху, а темноволосый занял ее рот. Эти четверо уже хорошо приспособились друг к другу и скоро двигались, как одно многорукое и многоногое существо. Зрелище уже не столько возбуждало, сколько странным образом вызывало отвращение — белое, потное, раздавленное волосатыми мужскими телами тело девицы напоминало какую-то большую бледную гусеницу, сегменты которой периодически сокращаются и выпрямляются. Мне подумалось, что акт длится уже довольно долго, причем участники не выражают никакой усталости и готовности его завершить. Вероятно, такая выносливость как то связана с напитком, которым их угостила Аня.

Тут пение изменило тональность, сделавшись еще более тревожным и пугающим. Барабаны забили громче и чаще. Из сумрака выскочила еще одна египетская девица, и быстро

поднявшись к трону, опустилась на колени перед Анной. После чего, не поднимая глаз почтительно подала ей... здоровенный кинжал.

«Господи, что тут происходит?», — со страхом спросил себя я.

Кинжал напоминал стилет, то есть имел длинное и узкое лезвие. Причем сделанное явно не из металла. Я бы сказал, что лезвие было из нефрита, если бы не понимал, что этот минерал никак не подходит для изготовления лезвия такой формы. На рукоятке и на самом лезвии были то ли нарисованы, толи иным способом нанесены изображения — похоже иероглифы, а на рукоятке был закреплен неизвестный мне багрово-черный тусклый драгоценный камень.

— Зачем, — вертелась в голове мысль, — зачем им этот кинжал? Чего такого могла выдумать давно пугающая меня фантазия моей очаровательной подруги?

Тем временем Анна поднялась со своего трона и стремительным шагом спустилась с возвышения, остановившись возле совокупляющихся людей. После чего она прижала ладонями клинок к ложбинке между грудей и громко заговорила на неизвестном языке, как будто читала заклинание:

- Хаш`п дисут ун синтру имист шурнаан сат-тот..., четко и спокойно выговаривала она, и ее твердый, звонкий и юный голос покрывал и пение и стоны пронзаемой во все отверстия девицы.
- Вешет, дани кумаи ниду микаб ан сат-тот, продолжала читать она.
- Анюта спятила, решил я, надо сваливать, но не могу же я ее здесь оставить? Тут Анна закончила читать свой непонятный текст и подняла кинжал.может поверить, что все это происходит сейчас и именно с ней. Но Аня не собиралась растягивать этот ужасный момент. Она что-то выкрикнула, еще крепче сжала кинжал в ладонях и ударила! Удар пришелся прямо в сердце, совсем немного ниже полной груди блондинки. Лезвие не зацепило ни саму грудь и не попало в ребра, а тут же прямо и твердо вошло во всю длину. Мне еще подумалось, что для такого удара нужен немалый опыт. Несчастная проститутка успела перевести свой взор на кинжал, торчащий из ее тела, но тут глаза ее потухли, а голова запрокинулась. Девушка была мертва. Только из уголка рта пролилась тонкая струйка крови. Я сидел ни жив, не мертв, причем заподозрил, что попытаться свалить отсюда прямо сейчас будет не лучей идеей. Моей подружке, которая уже поднималась обратно к трону своей легкой, беззаботной походкой, я старался в глаза не смотреть. Она меня откровенно пугала. Аня подошла прямо ко мне, опустилась на колени и взяв мои руки, приложила их к своим шекам:
- Прости, так было нужно, нежно, как всегда, проговорила она, ты все увидишь. А я обратил внимание на то, что действо не окончилось с убийством девушки. Парни продолжали энергично пользовать мертвое тело несчастной блондинки. Ее руки и ноги сделались совершенно расслабленными, как и все тело, но мужчины этого как будто не замечали. Мощными фрикциями они вбивали свои члены в ее дырочки, а третий, удерживая запрокинутую голову и не обращая внимания на кровь, вытекающую изо рта, долбил труп несчастной прямо в окровавленный рот.

Всякое возбуждение у меня прошло — я никогда не испытывал некрофильских фантазий, а покойников просто боюсь. Мне оставалось только сидеть, и ждать, когда весь этот ужас закончится. Анна, которая в расслабленной позе полулежала на троне и гладила мою руку, теперь пугала меня.

По идее всему этому давно должен был наступить конец — так долго мужчины не могут

«работать» — никаких сил не хватит. Да и удержаться от того, что кончить. Нет, нет — понятно, что трахая покойницу, я бы в жизни не кончил, но у меня бы и вовсе не встал, и лежал бы мертвой сосиской, вот как сейчас. Но у мужиков то все было напряжено, как и в начале этого кошмарного действа. Они были неутомимы.

Тут я заметил, что тёмно-бордовый камень на рукоятке кинжала, который так и остался торчать в груди мертвой девушки, изменил цвет. Более того, камень пульсировал в такт бою барабанов, то наливаясь бордовым огнем, то затухая и эти биения явно усиливались. При этом, мне показалось, что парни, во всяком случае, тот, что был сверху, и я мог его хорошо разглядеть, как то... похудел, что ли. Вернее, сказать усох. Причем усыхал он практически на глазах и чем более усыхал, тем сильнее было биение бордового камня.

И тут я чуть не вскрикнул от неожиданности и ужаса. Вернее сказать, почти вскрикнул, но Анна в этот момент больно вцепилась в мою руку своими острыми коготками, и я проглотил крик.

Мертвая девушка была, как бы это сказать... не совсем мертва. Во всяком случае, одной рукой она крепко обняла за шею своего верхнего партнера, да и вообще, ее тело уже не было столь расслабленным и очевидно мертвым как еще несколько минут назад. Вот она принялась подмахивать и елозить, двигать своим тазом, а рот ее перестал играть роль пассивного вместилища для мужского члена. Она уже активно сосала и работала языком.

Меня затопила волна дикого облегчения:

— Боже мой, это всего лишь театр, а кинжал поддельный, какой-то хитрый гайджет и с похуданием какой-то трюк, или просто дым и неверный свет создает иллюзию. Как славно, что это только игра, — мне от облегчения хотелось рассмеяться.

Только радовался я совсем не долго — до того момента как девица открыла глаза и посмотрела в мою сторону. Тогда я чуть не вскрикнул второй раз и опять от выкрика меня удержали Анютины коготки.

Взгляд этой девицы не оставлял сомнений, она мертва и мертва бесповоротно. Мы все читали и смотрели фильмы о зомби. Так вот взгляд девицы был однозначно взглядом живого мертвеца. В ее взоре не было ни мысли, ни эмоций. Ни страха, ни удовольствия. Даже жажды крови, как это обычно описывают авторы ужастиков, и ее там не было. Но при всем этом мертвое тело вполне технично двигалось.

И вместе с энергичными движениями покойницы стремительно, без всяких сомнений усыхали неутомимые ебари. Сначала исчезал сначала жировой подкожный слой, а потом и сама плоть. Можно было видеть, как кожа обтягивает почти голые кости.

Но чем более истощенно выглядели мужчины, тем ускорялись и ускорялись их движения. По движениям можно было судить, что апогей близок. Проняло даже покойницу — она завыла каким-то ужасным, низким, утробным воем. Камень на рукоятке кинжала, вонзенного в грудь мертвой девицы, пульсировал как какое-то адское, магическое сердце. Мне казалось, что я слышу его стук.

И тут парни парни, сначала тот что сверху, а за тем и тот который пользовал зад убитой девушки принялись кончать. Они кончали, не издавая ни звука, и только по их судорогам можно было догадаться об оргазме, который они испытывают. А когда тот, что со шрам упал с нее, я увидел, что на полу лежит мумия, такая безжизненная и сухая, как будто она пролежала где-нибудь в пирамиде тысячи лет. Такими же сухими останками валялся и второй, еще недавно здоровый и накачанный браток. Дольше всех продержался тот, который

пользовал рот несчастной блондинки. Но вот и он напрягся в последнем в своей жизни наслаждении, а мертвая девица прямо таки высосала остатки его жизни через член, и бедолага упал с сухим треском. Голова его, что теперь была не более чем черепом, обтянутым тонкой и безжизненной кожей, попросту отвалилась и откатилась в сторону.

Впрочем, называть девицу мертвой было затруднительно — хотя в глазах и сейчас не было разума и чувств. Но тело, мышцы, кожа, все это светилось жизнью. Было далеко, но мне показалось, что у нее даже бьётся сердце. Самое любопытное, что кинжал уже не торчал у нее под грудью, а лежал на каменном полу. Вернее сказать, он лежал не весь, а только его рукоятка — лезвие исчезло. Вероятно, обломалось и осталось в ране, подумал я. Камень на рукоятке опять был тускл и мертв. Однако даже раны, которая, несомненно, должна была остаться на теле, не было. Мне и в голову не пришло подойти и посмотреть — хотя ум мой продолжал метаться между ужасом перед убийством и оживлением трупа и мыслью, что все это какие-то хитрые фокусы. Впрочем, валяющиеся мумии все менее позволяли мне надеяться на то, что я наблюдаю всего лишь игру.

На момент показалось, что девица растерялась, коль скоро ее сексуальные партнеры столь бесповоротно потеряли потенцию. Он встала на четвереньки и зачем то страшно и утробно завыла, причем смотрела своим мертвым взглядом она прямо на меня. Слава Богу, я не успел испугаться, как из сумрака выбежали крепкие мужчины, — первые мужчины кроме покойных братков — ебарей, которых я здесь увидел. Один из них нес с собою шкуру, похожую на шкуру льва и эти парни, кстати сказать, так же обряженные под древних египтян, принялись споро заворачивать в нее блондинку. Та сопротивлялась, но как то не активно, а заторможено. Через пару минут я понял, что это была не шкура, а что-то вроде мягкого чучела львицы или другой крупной кошки.

Когда дело было сделано, несчастную за руки и за шею привязали к кольцам, вмурованным в пол, так, что она стояла на коленях, нагнувшись лицом вниз и касаясь лицом пола. Торчала только задница — весьма провокационно, сказал бы я, если бы девица не была облачена в львиную... одежду.

Все чего то ждали. Барабаны затихли, да и пение почти потерялось в темном зале. Шипение горящих факелов, звон металлических колец, который дергаясь производила привязанная девка, и периодические утробные стоны, которые она издавала, создавали атмосферу ожидания чего то ужасного.

- Что еще они придумают, - с отчаянием подумал я. - Зачем я сюда явился и что мне теперь делать?

Меня, строгого материалиста потрясло происходящие. Я долго держался за надежду на то, что все это какое то сложное, порнографически-цирковое представление, но все то, что я увидел, объяснить рационально никак невозможно. Мне не хотелось продолжения, но я все более подозревал, что попал в игру, где вход — рубль, а выход... есть ли он вообще? Тут в тишине раздались звуки, которые я никак не ожидал услышать в подземелье. Я услышал львиный рев вместе с лязгом цепей.

— Они решили скормить ее хищнику, — с ужасом предположил я, но события развивались иначе.

В зал зашли четверо могучих мужчин, которые удерживая тяжелые натянутые цепи, за ошейник тащили явно разъярённого льва. Анна встала и спустилась вниз, с возвышения. В руке она держала довольно большой сосуд.

Без всякого страха девушка подошла к животному, сделав пальцами как то знак и заговорим с ним на неизвестном, шипящем наречье, которое явно отличалось от того языка, на котором она читала свои заклинания раньше. Я откровенно испугался за девушку, которую до сих пор считал своей, но ничего не случилось. Животное успокоилось и только тяжело дышало, а Аня знаком приказала немного отпустить цепи.

Подошла еще одна девушка и поставила на пол лохань, наполненную жидкость. Зверь тут же потянулся к воде — видимо хищника не поили. Но перед тем, как дать ему напиться, Аня что то вылила в лохань из своего сосуда.

Бедный лев явно не пил очень давно, потому что лакал он долго, а налакавшись, прилег прямо на месте и только порыкивал, как будто не замечая мужчин, удерживающих его. Та девица, что подносила воду зверю, подошла к привязанной и выгнувшейся девушке, пролила на ладонь какой-то жидкости, или скорее масла и принялась тщательно смазывать им выставленную промежность девицы. Очевидно, в этом странном костюме из шкур, в который та была облачена, доступ к половым органом был открыт. Вещество имело весьма острый запах, так что даже я почувствовал его со своего места, и как только зверь унюхал его, как с ним произошла явная метаморфоза. Он вскочил, зарычал и потянулся к девке в львиной шкуре. Мужчины, удерживавшие его, не мешали этому.

Зверь подошел и обнюхал половые органы девицы, которая стояла почти неподвижно, а потом и потерся о ее зад своей крупной головой. Если бы блондинка не была привязана, она бы наверняка полетела бы носом вперед, от такой кошачьей «ласки». Но ее положение не изменилось, и зверь с порыкивающим мурлыканием стремительно взгромоздился на нее. Я вообще-то сам любитель кошек и имею представления о спаривании этих животных. Кошачий член покрыт твердыми волосками, направленными к основанию, так что выглядит как гарпун с многочисленными зазубринами: вставить легко, вынуть сложно — вернее сказать весьма болезненно для самки. Не удивительно, что кошки столь отчаянно орут в процессе спаривания. Эта не живая и не мертвая девица похоже, тоже что-то ощущала, поскольку завыла своим утробным голосом в момент, когда зверь взгромоздился на нее и продолжала вопить не переставая. Лев же быстро двигал задом, одновременно вылизывая ее спину. Хорошо, что девка не пыталась вырваться — вернее не могла, будучи привязанной к кольцам. Дело в том, что коты, в ситуации когда кошка пытается вывернуться, крепко хватают кошку за загривок своими клыками — и если бы девицу так схватил этот крупный хищник, вряд ли бы ей помогли и шкура, и ее странное пограничное состояние, между жизнью и смертью. Удивляло еще и то, что зверь пользовал девицу довольно долго, хотя кошки, как правило, делают это быстро. Похоже, свою роль сыграло то вещество, которое Анна добавила в питье животному.

Впрочем, все равно акт длился куда короче человеческих забав и закончился он весьма неожиданным образом. Я заметил, что тон воплей девицы изменился, он стал куда естественней, и вовсе не напоминал вой голодного зомби. И в тот момент, когда несчастная громко завизжала, как и должна визжать нормальная девушка, испытывающая острую боль, когда она, как мне послышалось, даже выкрикнула какое-то слово, из-за колоны одним прыжком выскочил громадный полуголый мускулистый негр с копьем в руке и мощным точным ударом вонзил острие в шею животного. Удар был настолько силен и точен, что тигр пал замертво в тот же момент. Вероятно, удар был направлен в какой-то нервный узел, поскольку не было заметно даже агонии зверя, несомненно, опасной для женщины под ним.

Лев рухнул на пользуемую им девушку и так придавил бедняжку, что она уже не стояла, а лежала, привязанная к полу и придавленная громадным хищником. Впрочем, ей не пришлось долго страдать, поскольку в этот же момент к ней бросились мужчины и женщины, тут же отвязав ее и стащив тушу зверя. После чего принялись аккуратно освобождать девицу от натянутых на нее шкур. Их аккуратность можно было понять, ибо я представляю, сколько синяков и ссадин получила бедняжка в процессе своего соития с львом, и какую боль испытывает в своей измученной вагине. Однако кроме аккуратности в движении в глаза бросалась их почтительность, переходящая в подобострастие. Ничего подобного ранее, когда они заворачивали бедняжку в шкуры и привязывали ее к кольцам на полу, в поведении этих людей не наблюдалось.

В этот момент последний кусок шкуры наконец-то был развернут, и я увидел многократно изнасилованную, убитую и оживленную сегодня девицу. Я был шокирован! Если сравнить ее с той шлюхой, которую увидел в самом начале этого дикого ритуала, то можно сказать, что передо мною на полу сидела совсем другая женщина. Нет! Конечно, она осталась красивой блондинкой, с белой, шёлковой кожей и пышной грудью, но выражение ее лица, даже формы лица в некоторой степени изменились. Не говоря уж о том, что она была прекрасна, всякая вульгарность с ее лица ушла, причем не на грамм не утратив сексуальной притягательности — скорее усилив ее. В чертах появилась властность и какая-то обостренная кошачья грация. Она поразила меня в тот момент, когда вставала, как в свое время в Анне меня поразила ее стремительность и энергия. Как будто та и другая были чистым выражением названных качеств.

Аня немедля спустилась с трона и обняла нагую блондинку, причем объятья были совсем не сексуальными, а скорее... родственными. На мгновение обняв Анну девушка отстранилась от нее и что то спросила на незнакомом языка. Аня улыбнулась, ответила, а потом, обняв блондинку за шею уперлась своим лбом в лоб девушки. Так они стояли минуты две, после чего отстранились друг от друга

Блондинка, стоя в изящной позе, совершенно не смущаясь своей наготы, задумавшись проговорила:

- Странный, варварский язык, она провела кончиком язычка по верхней губке, и очень много слов, смысл которых мне не понятен. Неужели прошло так много времени? Аня ласково коснулась ее плеча:
- Потом сестра, нам о многом надо поговорить. Как ты себя чувствуешь? Девушка покрутила светлую прядь:
- Такой цвет волос... очень непривычен, и цвет кожи...
- Поверь мне, Баст, среди этого народа и в эту эпоху твоя внешность считается весьма привлекательной, возразила Аня.
- Я в тебе не сомневаюсь, дорогая Анукет, но скажи, зачем вот это блондинка, или Баст, как ее назвала Анна, приподняла свои тяжелые, большие груди. «Неужели вы собрались меня доить?» девушка засмеялась, продемонстрировав жемчужные зубки и розовый язычок, после чего облизнулась, как кошечка. «Тогда такие... весомые прелести скорее подошли бы тебе, моя дорогая сестрица», несколько язвительно продолжила она1.

Аня, или Анукет, как назвала ее сестра, надула губки, и не менее язвительно заметила:

- Дай назвать себя Херу, и все придет в соответствие.
- Куда больше оснований называть меня Сехмет, сетрица, холодно отвечала Баст2.

Впрочем, она тут же извиняюще улыбнулась и погладила Анну по плечу:

— прости меня, сестра, просто у меня все болит, — она указала на свое лоно, — и я срываю злость на своей любимой сестричке, да и грех мне жаловаться. Тебе ведь тоже нелегко возвращаться?», — лукаво добавила она.

Тут Баст посмотрела на меня:

— Анукет, ты привела своего друга на церемонию возвращения? Очень необычно. Ты серьезно увлечена, моя девочка...

Я неуверенно встал со своего стульчика и спустился на несколько шагов.

Аня взяла меня за руку

- Это Сергей, он мой, решительно сообщила она сестре
- А это Баст, моя сестра, тетка и племянница повернулась она уже ко мне.
- Э... Это как?
- Понимаешь, Аня изобразила ручкой сложное движение, я тебе не говорила, но у меня большая семья и отношения в ней... несколько запутаны. Я бы тебя познакомила, но почти все наши родственники еще... далеко. Не здесь. И я надеюсь, ты поможешь мне их... вернуть, она прижалась ко мне и поцеловала.

Баст рассмеялась и сделала отрицающий жест:

— Я не претендую, сестренка. Как бы там ни было, я пока оставлю вас, котята. Нужно принять ванну, и этот кот, — она посмотрела на тушу льва, был велик... Велик во всех смыслах, — и блондинка с озорным видом мне подмигнула.

И ни на миг не смущаясь своей пышной наготы, она позволила увлечь себя девушкам, которые почтительно направили ее в один из коридоров, а когда она удалилась, Анукет негромко и серьезно проговорила:

— Будь осторожен с ней. Она не только Баст, она и Семхет, от которой беги так быстро, как только сможешь... впрочем, в таком случае ее еще можно напоить. И она глупая корова Херу... от которой у меня мурашки по коже. Она, Сет ее возьми, сама себе бабка и внучка. Впрочем, он и брал ее бесчисленное количество раз. Она ведь Баст и любвеобильна... как кошка.

^{1.} Вероятно, Баст имела в виду то, что тотемом Анукет в древнеегипетской традиции является антилопа— газель

^{2.} В данном случае сестры вспоминают события, отражённые в древнеегипетской мифологии, где Баст имела и другие «ипостаси» и имена — в данном случае Небесной коровы Херу / Хатор, пролившей свое молоко, известное нам как млечный путь, и однажды превращенная своим сыном / отцом Ра в кровожадную Сехмет. Утихомирить ее удалось, лишь напоив вином, выдав его за кровь, и по некоторым слухам, многократно ублажив.